

УДК 811.512'373

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМПОНЕНТОВ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ПРОЗЫ)

© Г.Р.Галиуллина, Н.Ф.Галиева

В статье делается попытка на материале произведений современной татарской прозы выявить эмоциональный потенциал компонентов значения слова. На основе анализа теоретического и фактического материала авторы указывают, что эмоциональный потенциал компонентов значения слова в современной татарской прозе достаточно обширен. Эмоциональность может быть выражена с помощью коннотативного макрокомпонента, однако денотат и сигнификат также могут участвовать в выражении эмоциональности. Особое внимание в статье уделяется микрокомпонентам коннотации и определяется их роль в создании эмоциональности.

Ключевые слова: татарский язык, семантика, компоненты значения слова, денотат, сигнификат, коннотат.

Значение слова представляет собой особую систему, состоящую из различных компонентов. Эти компоненты участвуют в выражении эмоциональности в языке, несут в себе информацию о смысловых оттенках, которые связаны друг с другом. «Каждый языковой элемент заряжен бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков, и мы даже и сами не замечаем, какое огромное количество этих оттенков выступает в наших словах, чтобы мог состояться самый обыкновенный разговор. Поэтому бесконечная смысловая заряженность каждого языкового элемента является подлинной спецификой языка» [1: 57]. Границы значения слова размыты, и не всегда удается выделить все семантические компоненты, которые образуют значение слова. Тем не менее, в лексическом значении слова традиционно выделяют несколько компонентов (денотат, сигнификат, коннотат), которые образуют внутреннюю форму слова. В настоящей работе основное внимание уделено определению эмоционального потенциала каждого из указанных компонентов значения слова. Основной фактический материал извлечен из произведений современной татарской прозы, в частности из произведений таких авторов, как Г.Гильманов и В.Имамов.

Указанные компоненты мы вслед за И.А.Стерниним [2] будем называть макрокомпонентами. На коннотации мы остановимся подробнее, потому что именно данный компонент играет основную роль в создании эмоциональности в языке. Под эмоциональностью в широком смысле мы понимаем совокупность эмоциональной и экспрессивной лексики.

В современном татарском языкознании трудов, посвященных изучению эмоциональности, не так много: данная проблема освящается в ра-

ботах Ф.С.Сафиуллиной [3], И.Б.Башировой [4] и Г.Р.Галиуллиной [5]. Таким образом, актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью проблем эмотивности и экспрессивности в современном татарском языкознании, в частности недостаточной изученностью компонентов значения слова, которые участвуют в выражении эмоциональности, лингвистических средств их выражения как в общетеоретическом плане, так и в плане их разнохарактерных реализаций.

Итак, макрокомпонентами слова выступают денотат, сигнификат и коннотат. Денотативное и сигнификативное значения необходимы в реализации предметно-логического значения слова.

Денотатом принято называть предметное значение слова. Денотативным называют значение, которое отражает конкретный, объективный смысл предметов и их свойств. Оно называет понятие и определяет его связь с реальностью [6: 87]. Денотативное значение реализует назывную функцию слова, то есть называет предметы, включенные в объем понятия. Например: *Учак тирәли алты-жиде ир-ат тезелеп утырган* [7: 156] – *Вокруг костра сидели шесть-семь мужчин* (здесь и далее перевод наш – Г.Г., Н.Г.). Денотативное значение слова *учак* – казан асты; мичнең казан астына ягыла торган урыны һәм шунда ягылган ут [8: 326].

Сигнификат выполняет обобщающую функцию слова и соотносится с комплексом признаков, составляющих содержание понятия. Например: *Мәгәр инде жыенлылар күренсә, алар белән орышка керүдән Мәңгелек Күк Тәңре үзе саклый күрсен. Кара татар ыруының әлеге иң хәтәр кабиләсендәге тирмәләр саны утыз меңнән арта. Ким дигәндә утыз күремлек кабилә! Шул күремнәр санына карап, әлеге кабиләне «утыз*

татар» дип йортлар да инде [9: 6] – Если пути пересекутся с племенем «жыенлылар», то пусть сам Господь хранит от столкновения с ними. Число палаток этого самого опасного племени рода “черных татар” превышает тридцать тысяч. Это же, как минимум, племя, состоящее из тридцати семей! Основываясь на их количестве, племя было прозвано «утыз татар». Как видно из примера, сочетание «утыз татар» выступает сигнификатом, потому что раскрывает сущность понятия «жыенлылар».

Сигнификативное значение выполняет обобщающую функцию, однако порой в тексте это значение бывает схожим с коннотативным значением. В этом можно убедиться на следующем примере: *Ошбу тиңсез жиңу хөрмәтенә мин углыма үзем жиңгән дошман атын куям. Моннан ары ул жиһанда Тимержән бәк атын йөртәчәк. Безнеңчә – Тимучин* [9: 30] – В честь этой великой победы я дам сыну имя своего врага. Отныне его имя – Тимержян. По-нашему – Тимучин. В данном примере объясняется значение антропонима Тимучин: *тимер жән* (т.е. человек с волевой, сильной душой), *көчле рухлы* (человек с сильной волей), *баһадир* (богатырь). Данные значения – «*тимер жән, көчле рухлы, баһадир, батыр*» – и будут сигнификативным значением антропонима. Однако эти же языковые единицы в другом контексте могут выступать в коннотативном значении. Например: 1) *Жирән сылу ирен читләре белән генә көлемсерәп куйды: – Син мине бояр хатыны дип уйлыйсыңмы әллә? Юк, баһадир* [9: 168] – Красавица едва заметно улыбнулась: – Ты думаешь, что я жена боярина? Нет, богатырь; 2) *Яшереп торасым килми, күңелемә хуш килдең син, батыр* [9: 168] – Не хочу скрывать, ты приглянулся мне, храбрец. Слова *баһадир, батыр* выступают как обращения и отражают положительную оценку субъекта. Поэтому данные слова будут коннотативно значимыми. Таким образом, сигнификативно значимые в одном контексте языковые единицы могут быть коннотационно заряженными в другом.

Третьим компонентом семантики слова является коннотация. Коннотация понимается как дополнительная по отношению к понятию информация, связанная с характеристикой ситуации общения, участников акта общения, определенного отношения участников акта общения к предмету речи [10: 89]. Коннотация вторична по отношению к денотации и связана с информацией, отражающей эмоциональность. Рассмотрим следующий пример: *Кара татарлар, хәзер койрыкларын кыскан куян сыман, тавыштынсыз яши. Тик шулай да...бер жыен кабиләсендә генә дә утыз күрәм хәтле көч*

туллаган ул азгын татарлар магул жәйләүләренә дә нәфес сузмас дигән ышаныч юк бит [9: 7] – Сейчас черные татары, прижав свои хвосты, живут втихомолку. Но все же... если даже в одной общине этих разнuzданных татар порядка тридцати семей, нельзя быть уверенным, что они не будут претендовать на земли моголов. В этом примере сочетание «азгын татарлар» (букв.: разнuzданные татары) коннотативно по отношению к названию племени *жыенлылар*. Сравнение *койрыкларын кыскан куян сыман* (букв.: как поджавшие хвост зайцы) усиливает эмоциональность словосочетания *азгын татарлар*. Словосочетание «кара татарлар» потеряло эмоциональную значимость и переводится на русский язык как этноним «черные татары». Однако изначально оно имело эмоциональную нагрузку и, следовательно, на семантическом уровне данное словосочетание было коннотативно значимым: *Әллә ничә гасыр элек үк чиннар Далай белән Буир күлләре буенда яшәгән жыен, төрбән, коңгырат, әбрибуир кабиләләрен аларның үз ханнары булмаганга күрә «кара татар» дип мыскыл итеп йөрткән. <...> Ангытларның укый-яза белә торган кабилә булуына ташлама ясап кына, аларны «ак», әмма барыбер үзләре өчен чит-ят икәнне аңлаткан «татар» кушаматы белән атаганнар* [9: 11] – Много веков тому назад китайцы презрительно называли племена, проживающие между озерами Далай и Буир, «черными татарами» из-за того, что у них не было собственных ханов. Из-за того, что племена ангытов умели читать и писать, их называли белыми, но все же чуждым для себя названием, – татарами. Здесь мы видим, что племена «кара татар» («черные татары») и «ак татар» («белые татары») противопоставляются друг другу. Китайцы («чиннар») выражали неодобрительное отношение к одним племенам, которых именовали между собой «черными татарами», и более-менее терпимое к другим, которых называли «белыми татарами». Однако на сегодняшний день эти словосочетания – всего лишь названия племен и образной нагрузки в своей семантике не несут, их метафоричность равна нулю, хотя именно на основе образного мышления и возникли названия данных этнонимов.

В повести Г.Гильманова «Тозлы яңгыр» к одному из героев – Хатмулле карту – используется несколько форм обращения, одно из них – *Ак бабай* [7: 4]. Обращение *Ак бабай* является «живой» метафорой и воспринимается носителем языка как образная. Прозвище *Ак бабай* – Белый бабай, старичок – раскрывает характер героя: белый – значит чистый, хороший; человек,

который, несмотря на жизненные перипетии, сумел остаться к концу жизни таким же добрым, светлым, какими являются все люди в самом начале жизни. Данная форма обращения субъективна, она раскрывает одобрительное отношение людей к Хатмулле карту. Иными словами, в основе такого отношения лежит оценка. Оценка, в свою очередь, может быть одобрительной и неодобрительной. «Оценочность есть выраженная словом оценка субъектом предмета речи. Следовательно, оценочность является семантическим признаком слова и составляет часть его коннотации» [11: 62].

Коннотация слова – явление сложное, неоднородное. В ней, кроме оценочности, выделяются и другие компоненты. Однако «выделение различных компонентов высказывания, в том числе и смысловых, есть лишь условный прием лингвистического анализа. В каждом конкретном высказывании все компоненты образуют неразрывное единство» [12: 156].

И.В.Арнольд выделяет четыре основных компонента коннотации: эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический [6: 87]. В.И.Шаховский предлагает иной взгляд на содержание коннотации: ее семантикой считается эмотивность, а оценочный и экспрессивный компоненты не являются коннотативными, они – компоненты логико-предметного значения [13: 68]. А.В.Филиппов относит к коннотации только «эмоционально-стилевое» семантическое содержание языковой единицы, считая, что оценочность в слове является элементом денотативным, неотделимым от понятия, а экспрессивность слово приобретает только в речи [14: 58]. В работе Н.А.Лукияновой выделяются интеллектуально-оценочные и эмоционально-оценочные категории слов. Первая категория рассматривается ею в числе денотативного компонента семантики слова [11: 63]. В.Н.Телия же считает, что «оценочный подход к миру – явление столь же универсальное, как и познавательная деятельность», и рассматривает коннотацию в числе номинативных единиц [10: 29]. И.А.Стернин указывает, что оценка может быть как элементом коннотации, так и входить в денотацию [2: 93]. Мы придерживаемся такой же точки зрения и считаем, что оценочность может относиться как к коннотативному, так и денотативному компоненту. Например: *Шул йортларны, манараларны каплап, елга ярына икешәр катлы имән диварлар килеп терәлә. Диварлар каршына киң һәм тирән ерым казылган. Ерымнан алда кылыч йөзе кебек теп-текә ур һәм...тагын ерым* [9: 46] – *Заслоня эти дома и минареты, в берег реки упираются двухъярусные дубовые стены. Напротив стен*

вырыт широкий и глубокий овраг. За оврагом находится крутой, как острие лезвия, ров, а за ним... снова овраг. В данном отрывке окружающая действительность оценивается с положительной стороны, однако оценка эта объективная. Об этом свидетельствует фактический материал – словосочетания *икешәр катлы имән диварлар* (а не *әллә ничәшәр*), *киң һәм тирән ерым казылган*, *ерымнан алда теп-текә ур һәм... тагын ерым*.

Обратимся к другому примеру: *Андрей шушы ныгытмаларның һәммәсен дикъкәть белән барлап чыкты, берәздән исә тәнәнә боздай салкын жыл үткәндәй булды, калтыранып куйды. «Йа Ходеем! – дип әрнеп уйланды ул. Нишләп рус жирендә моңа тиң торырдай бер кальга да юк соң? Һәм дә Юрий кенәз теге чакны нишләп шушындый кыядай кирмәнне алу турында хыялланды икән? Әтисе тарафыннан коточкыч әтәчләну һәм суқырлык бит бу. Мондый диварлар аша кош та очып керә алмый. Аны ук очырып, сөңге селтәп кенә яулау мөмкинмени?!»* [7: 47] – *Андрей внимательно рассмотрел эти укрепления, и по его телу пронеслась дрожь, будто он почувствовал дыхание пронизывающего холодного ветра. «О, Господи! – с тоскою подумал он. – Почему на русской земле нет крепости, равнозначной этой? И почему Юрий князь тогда осмелился мечтать захватить крепость, похожую на скалу? Это же хвастовство и безрассудство с папиной стороны. Через такие стены не может залететь даже птица. И возможно ли ее завоевать лишь одними стрелами и копьями?!»* В этом отрывке запечатлен чувственный уровень оценки, и он является частью коннотативного макрокомпонента слова. Сравнение *тәнәнә боздай салкын жыл үткәндәй булды, калтыранып куйды*, показывает глубокое переживание героя. Эмоциональное состояние героя описывают также фразы *әрнеп уйланды*, риторические вопросы – *нишләп?*, метафоры – *әтәчләну*, слово *коточкыч* придает интенсивность этой метафоре. В произведении Г.Гильманова «Тозлы янгыр» Хатмулла карта еще называют *хыялый* [6: 23]. *Хыялый* – мечтатель, «не от мира всего». В семантике прозвища *хыялый* лежит денотативная оценочность со значением «неодобрение». Например: *Яшь чакта ук “хыялый” дигән кушаматы бар иде барын, әллә чыннан да жиңеләя башлады инде?* [7: 9] – *Уже в молодости у него было прозвище «помешанный», может, действительно умом тронулся?»*.

Оценочность тесно связана с эмоциональностью. Их не всегда можно отличить, поэтому разграничение оценочного и эмоционального

компонентов представляет собой сложную задачу. Отсюда широко распространено употребление выражения «эмоциональная оценка». В отличие от эмоции, которая может принадлежать как говорящему, так и действующему лицу, оценка всегда исходит от говорящего (исключая тот случай, когда говорящий является одновременно и действующим лицом, т.е. сам оценивает свои действия и поступки). Например: *Кайтты! Ул кайтты! Син, кызый, ачы таң белән ниләп йөрсең ата-анаңны уятып, ә? Бөтенләй кайтмаса да була, ник кайттың, ник?.. Кайда булдың? Нәрсә булды? Кем? Хәзер муенын борам мин аның, әйт, кем тиде сиңа? Кем?* [7: 8] – *Вернулась! Она вернулась! Ты что, девица, ходишь, будишь родителей ни свет ни заря, а? Можно было и не возвращаться, зачем вернулась, зачем? Где ты была? Что случилось? Кто? Сейчас сверну ему шею, скажи, кто тронул тебя? Кто?*). Это яркий пример эмоциональной речи, о чем свидетельствуют восклицательные и вопросительные знаки, характеризующие эмоциональную интонацию, риторические вопросы, повторы, междометия. Или же: *Әти, шундый күңелле, матур булды, без аланда учак ягып төн уздырдык; Хәтмулла бабайдан сора, ышанмасаң...* [7: 8] – *Пап, было так весело и красиво, мы провели ночь у костра на поляне; если не веришь, спроси Хатмуллу бабая.* В данном высказывании доминирует оценочный элемент коннотативного макрокомпонента значения слова, потому что речь идет об оценке говорящего.

Эмоциональность в узком смысле является компонентом коннотации. Это возможность языкового знака выразить факт эмоционального переживания субъектом явления действительности, которое составляет денотативное содержание данного языкового знака [15: 58]. Это группа слов, которые имеют в своей семантике компонент «эмоциональность». Например: *Әрбәт һәммә сүзен Андрейның йөзенә текәлеп сөйләде. Ә Андрейның эчендә болай да ул иде* [9: 71] – *Арбат каждое свое слово говорил, глядя прямо в глаза Андрея. А внутри Андрея и так был огонь.* В последнем предложении для характеристики эмоционального состояния героя используется метафора – *ул* (огонь), хотя можно было денотативно обозначить чувство героя: он беспокоится.

Кроме того, в языке функционируют слова, которые называют чувства (*мәхәббәт, нәфрәт, оялу, соклану, кызгану*). Данная группа слов выполняет номинативную функцию и коннотативной нагрузки не несет. Например: *көләч караиш* (веселый взгляд), *гайрәтле егет* (мужественный юноша), *мәшиһур кала* (популярный город), *кыю*

кеше (смелый человек), *затлы тире* (роскошный мех).

Третьим компонентом коннотации является экспрессивность. «Это такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего, и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть, образным» [16: 15]. В попытке понять, что такое экспрессивность, обычно оказываются связанными понятия «экспрессивность» и «эмоциональность». Однако экспрессивность в языке гораздо шире эмоциональности. Функциональные задачи эмоциональности и экспрессивности разные: эмоциональное значение дает информацию о чувствах говорящего, экспрессивное значение способствует лучшему донесению логической и эмоциональной информации. Например: *Ә мин сине беркемгә дә бирмәячкәнмен, жәнаый. Мин таң бүре шикелле. Тешемә эләккән калжаны мәңге ычкындырмыйм. Сине дә жиберим... – Ясүгәй нәрсәгәдер килеп төртелгән сыман бертын туктап торды, әмма теленә килгән сүзен барыбер ярып салды: – ... һәм үзем дә качмыйм* [9: 20] – *А я тебя никому не отдам, родная. Я словно волк. Никогда не выроню отвоеванный кусок. И тебя не отпущу... – Есугей, словно споткнувшись обо что-то, остановился, замолчал, но все же сказал вслух то, что уже было на языке: – и сам не уйду.* В данном примере нет выражения чувств, но чувствуется экспрессия. Следовательно, экспрессивность создается за счет различных средств речи, которые делают ее выразительной. Поэтому синонимом термина «экспрессивность» является выразительность.

Наличие всех трех составляющих семантики слова – денотата, сигнификата и коннотата – вовсе не обязательно, однако они могут одновременно присутствовать в значении слова. В произведении Г.Гильманова «Тозлы яңгыр» денотат выполняет номинативную, назывную функцию. Следовательно, денотатом антропонима *Хәтмулла карт* является слово «человек». Сигнификатом является понятийное содержание слова «человек». Так как речь идет о конкретном действующем лице, то сигнификатом имени *Хәтмулла карт* будет информация о том, что это человек пожилого возраста, потому что после имени идет добавочное слово – «карт» (старик, старичок). Кроме этого, в тексте можно найти и другие сигнификативные значения этого имени: *Авылда Хәтмулла картлар нәселен юкка гына «күрәзәчеләр нәселе» дип атамыйлар* [6: 9] – *Не зря род старика Хатмуллы прозвали «родом*

предсказателей». В данном предложении представлена дополнительная информация о роде Хатмуллы карта – «күрәзәчеләр нәселе». Данная информация делает представление о главном герое произведения более полным, точным. Следовательно, словосочетание «күрәзәчеләр нәселе» является сигнификатом. Коннотатом антропонима *Хатмулла бабай* является словосочетание *Ак бабай*.

Таким образом, мы пришли к выводу, что эмоциональный потенциал компонентов значения слова в современной татарской прозе достаточно обширен. Эмоциональность (в широком смысле) выражается с помощью коннотативного макрокомпонента и составляющих его микрокомпонентов. Однако другие компоненты значения слова (денотат, сигнификат) тоже в какой-то степени связаны с выражением эмоционального потенциала языковой единицы: денотат формирует основное значение, выполняет номинативную функцию и тем самым является основой, фундаментом для добавочного (коннотативного) значения. Сигнификативно значимые в одном контексте языковые единицы могут быть коннотационно заряженными в другом. В семантике языковой единицы иногда могут присутствовать все три компонента значения, а иногда некоторые из них могут отсутствовать. Данные макрокомпоненты, в свою очередь, состоят из меньших компонентов. В данной работе больше внимания было уделено коннотативному макрокомпоненту, т.к. составляющие его микрокомпоненты (оценочность, эмоциональность и экспрессивность) участвуют в создании эмоциональности.

1. Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т.40. – Вып. №5. – С. 55 – 61.

2. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 172 с.
 3. Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология. – Казан: Хәтер, 1999. – 288 б.
 4. Бәширова И.Б. Хәзерге татар әдәби теле. Семасиология. – Казан: Г.Ибраһимов исем. тел. әдәбият һәм сәнгать ин-ты, 2010. – 532 б.
 5. Галиуллина Г.Р. Личные имена в контексте лингвокультурных традиций. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 349 с.
 6. Арнольд И.В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения // XXII Герценовские чтения: Иностранные языки. – Ленинград: ЛГПИ, 1970. – 134 с.
 7. Гыйльманов Г.Х. Язымышның туган көне: Балалар һәм яшүсмерләр өчен повестьлар, хикәяләр, поэмалар, әкиятләр. – Казан: «Ихлас» нәшр., 2012. – 344 б.
 8. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. – Т.III. – Казан: Тат. кит. нәшр. – 1981. – 832 б.
 9. Имамов В. Утлы дала: тарихи роман. – Казан: Татар.кит. нәшр., 2012. – 759 б.
 10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
 11. Лукьянова Н.А. Некоторые вопросы диалектной лексикологии. Учеб. пособ. для студентов-филологов. – Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 1979. – 76 с.
 12. Колианский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
 13. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 190 с.
 14. Филиппов А.В. К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 57 – 63.
 15. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 156 с.
 16. Арнольд И.В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка. – Л.: ЛГПИ, 1975. – С.11– 20.

COMPONENTS OF WORD MEANING AND THEIR EMOTIONAL POTENTIAL (BASED ON MODERN TATAR PROSE)

G.R.Galiullina, N.F.Galieva

The article attempts to reveal the emotional potential of components of word meaning basing on modern Tatar prose. By analyzing the theoretical and empirical material the authors reveal the emotional potential of components of word meaning in modern Tatar prose which is quite extensive. Emotionality can be expressed by means of a connotative macrocomponent, however other components of word meaning can also be involved in expressing emotionality. This article pays special attention to microcomponents of connotation and emphasizes their role in creating emotionality.

Key words: the Tatar language, semantics, components of word meaning, denotatum, signficatum, connotatum.

1. *Losev A.F.* O ponjatii jazykovoј valentnosti / Izv. AN SSSR. Ser. lit. i jaz. – 1981. – T.40. – Vyp. №5. – S. 55 – 61. (In Russian)
2. *Sternin I.A.* Leksicheskoe znachenie slova v rechi. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. – 172 s. (In Russian)
3. *Safiullina F.S.* Həzerge tatar ədəbi tele. Leksikologija. – Kazan: Həter, 1999. – 288 b. (In Tatar)
4. *Bəshirova I.B.* Həzerge tatar ədəbi tele. Semasiologija. – Kazan: G. Ibrahimov isem. tel, ədəbijat həm səngat' in-ty, 2010. – 532 b. (In Tatar)
5. *Galiullina G.R.* Lichnye imena v kontekste lingvokul'turnyh tradicij. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2008. – 349 s. (In Russian)
6. *Arnol'd I.V.* Jemocional'nyj, jekspressivnyj, ocenochnyj i funkcional'no-stilisticheskij komponenty leksicheskogo znachenija // XXII Gercenovskie chtenija: Inostrannye jazyki. – Leningrad: LGPI, 1970. – 134 s. (In Russian)
7. *Gyj'l'manov G.H.* Jazmyshnuң tugan kəne: Balalar həm jashysmerlər əchen povest'lar, hikəjalər, pəjemalar, əkijatlar. – Kazan: «Ihlas» nəshr., 2012. – 344 b. (In Tatar)
8. Tatar telepeң aңlatmaly syzlege. Əch tomda. – T.III. – Kazan: Tat. kit. nəshr. – 1981. – 832 b. (In Tatar)
9. *Imamov V.* Utly dala: tarihi roman. – Kazan: Tatar.kit. nəshr., 2012. – 759 b. (In Tatar)
10. *Telija V.N.* Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic. – M.: Nauka, 1986. – 143 s. (In Russian)
11. *Lukjanova N.A.* Nekotorye voprosy dialektnoj leksikologii. Ucheb. posob. dlja studentov-filologov. – Novosibirsk: Novosibir. gos. un-t, 1979. – 76 s. (In Russian)
12. *Kolshanskij G.V.* Sootnoshenie sub#ektivnyh i ob#ektivnyh faktorov v jazyke. – M.: Nauka, 1975. – 232 s. (In Russian)
13. *Shahovskij V.I.* Kategorizacija jemocij v leksikosemanticheskoi sisteme jazyka. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1987. – 190 s. (In Russian)
14. *Filippov A.V.* K probleme leksicheskoi konnotacii // Voprosy jazykoznanija. – 1978. – № 1.– S. 57 – 63. (In Russian)
15. *Sternin I.A.* Problemy analiza struktury znachenija slova. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1979. – 156 s. (In Russian)
16. *Arnol'd I.V.* Interpretacija hudozhestvennogo teksta: tipy vydvizhenija i problema jekspressivnosti // Jekspressivnye sredstva anglijskogo jazyka. – L.: LGPI, 1975. – S.11– 20. (In Russian)

Галиуллина Гульшат Раисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры татарского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: caliullina@list.ru

Galiullina Gulshat Raisovna – Doctor of Philology, Professor, Department of Tatar Language and Instruction, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia.
E-mail: caliullina@list.ru

Галиева Надия Фаридовна – аспирант кафедры татарского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: nadisharm@mail.ru

Galieva Nadiya Faridovna – graduate student, Department of Tatar Language and Instruction, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia.
E-mail: nadisharm@mail.ru

Поступила в редакцию 28.07.2014